

АЛЕКСАНДР С. СУВАЛКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6795-2418

МАРИЯ Д. ФИГУРА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5992-8557

Уроборос и другие экстернальные эффекты полевой научной инфраструктуры

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-149-182

Резюме:

В статье функционирование полевой научной инфраструктуры (морские биологические станции, особо охраняемые природные территории, музеи-заповедники) рассматривается с точки зрения порождаемых ей экстернальных эффектов. Эти процессы описаны, в частности, с учетом современных трансформаций в российской сфере природоохранной деятельности, которые в целом можно определить как сдвиг от модели заповедника к модели национального парка. Предлагаемая

149

Сувалко Александр Сергеевич — заместитель директора, Институт исследований культуры, факультет городского и регионального развития; преподаватель Школы философии и культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва. Научные интересы: охрана природного и культурного наследия, взаимодействие местных жителей и ООПТ, культурсоциология, философия культуры, креативные индустрии. E-mail: asuvalko@hse.ru

Фигура Мария Дмитриевна — культуролог, бакалавр культурологии, аналитик Лаборатории исследований культуры Института исследований культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва. Научные интересы: социология и история науки, экологическая история, охрана природного и культурного наследия, культурная статистика. E-mail: mfigura@hse.ru

В данной научной работе использованы результаты проекта «Инфраструктуры научного знания и развитие территорий», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. Мы выражаем особую благодарность Виталию Куренному, которому принадлежит идея и разработка концептуальной рамки проекта, за плодотворные совместные обсуждения, позволившие систематизировать и описать обширный эмпирический материал, собранный в ходе экспедиций.

аналитическая типология этих видов воздействия включает выделение негативных и позитивных экстернальных эффектов, связанных как с собственно научной деятельностью (появление частных научных стационаров), так и с возникновением новых экономических форм деятельности (туризм) и распространением новых поведенческих практик. Выявлен и описан, в частности, парадоксальный «эффект Уробороса»: принцип невмешательства, имплицитно действующий в рамках режима заповедности, в некоторых случаях он препятствует использованию мер, направленных на спасение охраняемой флоры и фауны. Приводимые в работе кейсы показывают, как позитивные экстернальные эффекты способствуют процессам туристификации, ревитализации и джентрификации сельских территорий. Отдельное внимание уделено роли ученых в формировании локальной исторической и культурной идентичности. В целом исследование позволяет сделать общий вывод о значительных и разнообразных последствиях, возникающих в связи с деятельностью элементов полевой научной инфраструктуры на территориях их базирования, которые выходят далеко за пределы их прямых (интернальных) функций и задач. Возникновение этих эффектов определяется концентрацией в научных стационарах людей с высоким уровнем культурного капитала, которые способны выступать агентами появления на территории новых форм экономической деятельности, а также являются трансляторами новых в данном локальном контексте социальных и организационных практик.

Ключевые слова: экстернальные эффекты деятельности научных организаций, полевые стационары, ООПТ, биостанции, развитие территории, туристификация, сельская джентрификация

Alexander S. Suvalko¹, Maria D. Figura²

HSE University, Moscow

The Ouroboros and Other External Effects of the Field Scientific Infrastructure

Acknowledgments: The results of the project “Infrastructure of Scientific Knowledge and Territorial Development”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2019, are presented in this work.

- 1 Alexander S. Suvalko — Deputy Director, Institute for Cultural Research, Faculty of Urban and Regional Development; Lecturer, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University, Moscow. Research interests: protection of natural and cultural heritage, interaction between local residents and protected areas, cultural sociology, philosophy of culture, creative industries. E-mail: asuvalko@hse.ru
- 2 Maria D. Figura — Bachelor of Cultural Studies, Analyst at the Laboratory of Cultural Studies, HSE University, Moscow. Research interests: STS, history of science, environmental history, protection of cultural and natural heritage, cultural statistics. E-mail: mfigura@hse.ru

Abstract:

The article examines the functioning of the field research infrastructure (marine biological stations, specially protected natural areas, museum-reserves) in terms of the external effects it generates. These processes are described in the context of contemporary transformations of the conservation policy in Russia. The proposed analytical typology of these types of impact includes a consideration of negative and positive externalities — both those associated with the scientific activity itself (the emergence of private research stations) and the emergence of new economic forms of activity (tourism) — as well as the spread of new social practices. The paradoxical "Ouroboros effect" has been identified and described: the principle of non-interference, implicit in the conservation regime, in some cases prevents the use of measures aimed at saving protected flora and fauna. Examples of how these external effects contribute to the processes of touristification, revitalization, and gentrification of rural areas are also considered. Particular attention is paid to the role of scholars in the formation of local historical and cultural identity. Overall, the study allows us to draw a general conclusion about the significant and diverse effects of the presence of field research infrastructure on home territories, effects not directly related to the core activities of these institutions. The emergence of these effects is determined by the concentration, in research stations, of people with a high level of cultural capital. These people may foster the emergence of new forms of economic activity in the territory, as well as acts as the transmitters of social and organisational practices new to this local context.

151

Keywords: externalities of scientific organizations' activities, field stations, natural reserves, biological stations, territorial development, touristification, rural gentrification

Среди всех организационных форм полевых исследований научные стационары предназначены для наиболее глубокого, регулярного и длительного изучения территории¹. Постоянно базируясь

- 1 Первые полевые научные стационары появляются на территории Российской империи в 1870-е годы — это морские зоологические станции (Севастопольская, Соловецкая), созданные для обеспечения доступа к «полю» [De Bont 2015] (см. статью Юлии Лайус в этом номере. — *прим. ред.*). После этого стационарная форма научной полевой работы признается и развивается в других научных дисциплинах: почвоведении [Докучаев 1895], ботанических исследованиях и лимнологии [Кожевников 1909], антропологии [Анучин 1902] и др. Широкомасштабное распространение научных станций происходит на территории СССР с начала 1930-х годов [Быховский 1974: 172, 173]. В словаре специальных терминов, приложенном к обзору экспедиционной деятельности Академии наук в 1930-х годах, приведено следующее общее определение полевых станций: «Стационар — организация постоянных наблюдений над явлениями природы в одном пункте; противоплагается экспедициям» [Обручев 1937: 502].

на определенной местности, они оказываются более интенсивно включены во взаимодействие с локальными социальными контекстами, чем, например, временные экспедиции или научные рекогносцировки. В настоящей статье результаты этого взаимодействия рассматриваются как экстернальные эффекты влияния полевой научной инфраструктуры на окружающую их территорию.

Понятие экстернального эффекта, или экстернального воздействия, является стандартной категорией современной экономики, введенной в 1920-х годах английским экономистом Артуром Пигу [Pigou 2002]. Экстернальное воздействие в экономическом смысле — это ущерб или выгода, возникающая для третьей стороны в результате деятельности какого-то агента экономической деятельности. Обычно выделяются экстернальные эффекты производства (например, загрязнение водоема сталелитейным производством, сокращающее вылов в нем рыбы) и потребления (например, прослушивание музыки, мешающее другим жителям дома), которые могут иметь как негативный (в приведенных примерах), так и позитивный характер (фруктовый сад, выращиваемый по соседству, будет обладать позитивным экстернальным эффектом для пчеловода). Эффект экстерналий играет важную роль для анализа темы общественных благ и «трагедии общественной собственности» — негативных эффектов, возникающих в случае ее чрезмерной эксплуатации [Varian 2014: 678-682], а также легитимирует применение «налога Пигу», используемого в отношении, прежде всего, деятельности предприятий, оказывающих существенное негативное воздействие на окружающую среду. Из экономики понятие экстернальности было заимствовано социальными науками [Фукуяма 2003: 37 и далее]. С его помощью может быть оценено воздействие социальных групп, разделяющих те или иные ценности, на внешнюю социальную среду. (Классический пример позитивной экстернальности, заимствуемый у Макса Вебера, — роль протестантизма в формировании современных рынков, основанных на высоком уровне доверия за пределами ближайшего окружения.)

Мы используем данную теоретическую и концептуальную рамку для описания и анализа экстернальных эффектов присутствия полевых научных стационаров и особо охраняемых природных территорий (ООПТ), возникающих на территориях и в поселениях их базирования в современной России. Данные учреждения отличаются высокой степенью организационного разнообразия: речь идет, прежде всего, о морских биологических станциях, музеях-заповедниках, природных заповедниках, национальных парках. Однако наши наблюдения и исследования показывают, что порождаемые ими экстернальные эффекты обладают существенным единообразием: сходные феномены мы наблюдаем в различных

уголках страны в связи с деятельностью формально различных организаций.

Экономическая теория экстерналих воздействий допускает в пределе их количественную оценку. Мы не ставили себе задачи завершить исследование такого рода количественными выкладками, ограничиваясь лишь качественным подходом и соответственно качественной методологией исследований (прежде всего, наблюдение и интервьюирование). Такого рода качественное исследование является необходимым предварительным условием для применения количественных методов, поскольку позволяет выявить и определить саму их предметность, описать те количественно параметризуемые формы и структуры, которые принимают экстерналих эффекты в данной сфере. В то же время ряд эффектов, связанных, например, со смысловыми аспектами местной исторической и культурной идентичности, едва ли поддаются количественной параметризации.

Эмпирическую основу статьи составляют результаты полевых исследований Лаборатории исследований культуры НИУ ВШЭ, проходивших с 2018 по 2020 г. на территориях Карелии и республик Северного Кавказа, Воронежской и Ростовской областей, Приморского края¹. Производился также анализ исторических источников и законодательных актов, данных из публичных источников и сайтов организаций, данных муниципальной статистики. Для настоящей статьи использованы материалы 10 экспедиционных поездок, в ходе которых проведено более 60 интервью по теме настоящего исследования как с сотрудниками 20 научных стационаров и ООПТ², так

- 1 Основная часть экспедиций, в рамках которых осуществлялся сбор полевого материала для настоящего исследования, состоялась в рамках общегосударственного проекта поддержки студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново». Пользуясь случаем, мы выражаем благодарность организаторам этой университетской программы за поддержку и лично Сергею Селееву за оперативное удаленное сопровождение экспедиций. Организованные учебные экспедиции дополнялись также поездками, нередко повторными, в составе небольших исследовательских групп Лаборатории исследований культуры НИУ ВШЭ.
- 2 Приведем перечень основных организаций, на базе которых был собран материал для настоящего исследования. 1. Заповедники: ФГБУ «Кавказский государственный природный биосферный заповедник имени Х. Г. Шапошникова», ФГБУ «Тебердинский государственный природный биосферный заповедник», ФГБУ «Северо-Осетинский государственный природный заповедник», ФГБУ «Государственный природный заповедник «Дагестанский»»; ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник «Ростовский»»; ФГБУ «Воронежский государственный природный биосферный заповедник им. В. М. Пескова», ФГБУ «Хопёрский государственный природный заповедник», Объединенная дирекция национального парка «Земля леопарда» и заповедника «Кедровая Падь» им. Н. Н. Воронцова; филиал Федерального

и с внешними по отношению к этим организациям респондентами. Сбор материалов осуществлялся в населенных пунктах по месту или вблизи места расположения данных организаций¹. Отдельно также посещались населенные пункты, на которых была зафиксирована научная и культурная активность бывших сотрудников данных учреждений (например, д. Нильмогуба и д. Черная Река в Карелии). Беседы с респондентами проводились в форме глубинных биографических и полуструктурированных интервью. Время пребывания на описываемых нами территориях занимало от 2 до 14 дней, отдельные объекты посещались неоднократно как в небольшом составе группой из 2-4 человек, так и в группах от 10 человек, в том числе студентов.

Состояние исследований

В последние десятилетия появляется все больше работ, посвященных исследованию полевых станций, в особенности ботанических и морских биологических. Само это явление рассматривается как

государственного бюджетного учреждения науки «Национальный научный центр морской биологии им. А. В. Жирмунского» Дальневосточного отделения РАН — «Дальневосточный морской биосферный государственный природный заповедник»; Уссурийский государственный природный заповедник им. В. Л. Комарова, объединенная дирекция Лазовского заповедника и национального парка «Зов тигра»; Сихотэ-Алинский государственный природный заповедник. 2. Национальные парки: национальный парк «Приэльбрусье», Национальный парк «Удэгейская легенда». 3. Музеи-заповедники: природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногогорье», Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки». 4. Научные институты: ФГБНУ «Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы им. В. В. Докучаева». 5. Биологические станции: Беломорская биологическая станция им. Н. А. Перцова МГУ им. М. В. Ломоносова; Беломорская биологическая станция «Картеш» Зоологического института РАН; учебно-научная база «Беломорская» (Морская биологическая станция) Санкт-Петербургского государственного университета. Мы выражаем благодарность руководству и сотрудникам всех этих учреждений, уделившим нам свое время и внимание.

- 1 Эти населенные пункты включают один малый город (г. Теберда), шесть крупных сельских поселений: с. Эльбрус (Кабардино-Балкария), с. Тагиркент-Казмалар (Дагестан); с. Барабаш, с. Терней, с. Лазо, с. Роцино (Приморский край), одно большое с.п. (с. Костёнки, Воронежская область), два средних сельских поселения (Дивногорье, п. 2-го участка Института им. В. В. Докучаева, Воронежская область), с. Каймановка (Приморский край) и четыре малых сельских поселения: п. Гузеришль (Адыгея), д. Черная Река и д. Нильмогуба (Карелия), с. Варварино (Воронежская область). Пользуясь случаем и не имея возможности перечислить здесь всех поименно, мы выражаем благодарность руководителям и сотрудникам этих организаций за уделенное нам внимание и время.

попытка компенсировать недостаток внимания к полевым исследованиям среди историков и социологов науки, показать их значимость в истории науки, сопоставимую с ролью, которая обыкновенно отводится научным лабораториям [de Bont 2015; Kohler, Vetter 2016; Kuklick, Kohler 1996]. Существующие в исследовательской литературе работы фокусируются на истории возникновения полевых научных станций, их внутридисциплинарном значении, взаимодействии с другими современными институтами (университетами, музеями и т. д.), особенностях организационного устройства станций [Каликинская 2008; Фокин, Смирнов, Лайус 2006; De Bont 2015; Wyman, Wallensky, Baine 2009]. Практически у всех полевых стационаров существуют различные формы фиксации собственной истории, иногда весьма объемные. Например, в работе «Страна ББС», посвященной истории Беломорской биостанции МГУ [Каликинская 2008], документальные свидетельства жизни станции перемежаются с обширным пластом устной истории и фотографиями; история станции ЗИН РАН «Картеш» изложена в воспоминаниях ее директора (1964-1978 гг.) — зоолога и гидробиолога Владислава Вильгельмовича Хлебовича. Большую работу по сбору сведений о биологических стационарах Белого и Баренцева морей (прежде всего, библиография публикаций, связанных с каждым из них, а также данные о персоналиях) проделала Александра Горяшко в рамках проекта 2005 г. «Литторины на литорали: История биологических стационаров Белого и Баренцева морей» [<https://www.littorina.info/>] (последние обновления ресурса в 2019 г.). В подобных исторических публикациях есть множество разрозненных сведений, посвященных также и экстерналим аспектам деятельности полевых стационаров, однако данная проблематика не рассматривается сфокусированным образом. Близкие тематике настоящего исследования публикации, связанные с экстерналим воздействием ББС МГУ, принадлежат перу Александры Горяшко [2019; 2021]. Это написанные живым языком эссе, к которым мы можем с удовольствием отослать читателя за интересными и яркими деталями из истории и жизни туристического центра «Полярный круг» в деревне Нильмогуба, а также некоторыми деталями из жизни биологов в деревне Черная Река (два значимых кейса для настоящего исследования).

Другой значительный пласт зарубежной исследовательской литературы, близкий проблематике настоящего исследования, посвящен особенностям взаимодействия национальных парков с локальными сообществами. Здесь, прежде всего, рассматриваются конфликты, возникающие в ходе установления на данных территориях охранных режимов [Lee 2018], а также экономические [Mayer, Müller 2010] и социальные эффекты, связанные с развитием туризма в нацио-

нальных парках [Fortin, Gagnon 1999]. В качестве весьма важной публикации, близкой к нашей проблематике, можно выделить статью Пейджа Веста, Джеймса Иго и Дена Брокингтона [West, Igoe, Brockington 2006], посвященную влиянию национальных парков на способы землепользования местными жителями и на формирование у них новых социальных практик. Описываемые в этих исследованиях экстернальные процессы и эффекты (как позитивного, так и негативного характера) актуальны не только по отношению к зарубежным национальным паркам, но также российским особо охраняемым природным территориям. Работы российских исследователей в рамках данной проблематики имеют скорее проективный характер, они анализируют предполагаемые последствия развития экологического туризма на ООПТ [Лапочкина, Косарева, Адашова 2016]. Работы, выпускаемые ЭкоЦентром «Заповедники» [<https://www.wildnet.ru/>], содержат различные дескриптивные кейсы, а также практические рекомендации по налаживанию взаимодействия заповедных территорий, некоммерческих организаций и местного населения, способствующего реализации интернальных задач заповедников по развитию туризма и экологического просвещения.

156

Для анализа ряда процессов, происходящих в районах, где расположены особо охраняемые природные территории, музеи-заповедники и т. п., представляется продуктивным использовать понятие «туристификации» — превращения территорий в туристически привлекательную дестинацию, что сопровождается структурными изменениями в местном сообществе и экономике [Jover, Díaz-Parga 2020; Lorenzen 2021].

Рост туристического потока ведет не только к развитию туристической экономики, работающей в том числе на местное население. В актуальных публикациях все больше уделяется внимания негативным аспектам роста туристического потока (overtourism), сопровождающегося новыми формами джентрификации [Koenig, Postma, Papp 2018; Sequeira, Nofre 2018]. Несмотря на то что понятие «туристификация» часто используется в негативном смысле, мы используем его как нейтральный концепт, «который предлагает проанализировать, как различные заинтересованные стороны и факторы способствуют переходу к экономике, основанной на туристической деятельности на определенной территории» [Ojedaab, Kieffer 2020: 144].

В современной научной литературе, связанной с объектом нашего исследования, затрагиваются различные аспекты, связанные с позитивными и негативными экстернальными эффектами полевых элементов научной инфраструктуры, однако на российском материале в сфокусированном виде данные аспекты их существования и функционирования до сих пор не рассматривались.

Контекст исследования

Элементы полевой научной инфраструктуры обладают различными организационными формами и связаны с различными научными дисциплинами. Все эти элементы являются своего рода седиментированным осадком¹ научной активности на данных территориях (археологических экспедиций, ботанических, зоологических и других полевых исследований). Именно связь с системой научных дисциплин и соответственно со структурой науки в целом создает определенные общие основания и гомогенность объекта нашего исследования, что находит себе выражение и в общности порождаемых им эффектов. Насыщенность различных организационных форм полевой инфраструктуры собственно научной (и научно-образовательной) деятельностью весьма широко варьируется. Лидерство здесь сохраняется за исторически первой формой крупных полевых стационаров: морскими биологическими станциями. Что касается особо охраняемых природных территорий, то существует заметное различие между такими организациями, как заповедники и национальные парки. Это различие отражается также в законодательно определенных целях этих организаций. Прокомментируем этот вопрос, поскольку он также позволяет провести ясное различие между интернальными (т. е. интенциональными) и экстернальными (непредусмотренными) эффектами деятельности этих двух типов организаций. Согласно ФЗ № 33 «Об особо охраняемых природных территориях» (1995 г. в редакции 2021), на государственные природные заповедники возлагаются сле-

157

1 Как поясняет В. Куренной [Kurennoy 2021: 173], геологическое понятие «седиментация» в феноменологической философии Эдмунда Гуссерля означает процесс осаднения в знаковых формах смысловых структур, которые могут передаваться и использоваться для построения новых семантических конструкций, но при этом утратили свою первоначальную очевидность, связанную с живым опытом. Мы используем здесь его в расширенном смысле по отношению ко всему материальному и нематериальному комплексу наличных элементов полевых стационаров, в которых осаждена их весьма сложная история. Наглядный пример такой седиментации — современный «бобровый городок» в Воронежском заповеднике. В настоящее время он представляет собой развлекательный аттракцион, куда посетители приходят посмотреть на жизнь бобровых семей. Однако фактически мы имеем дело с реликтом научного проекта по одомашниванию бобра, который был начат здесь в 1932 г. Задачу, которая оказалась весьма сложной (бобры строго моногамные животные и к тому же весьма разборчивые в выборе пары), решить удалось, но такой способ разведения ценных на тот момент промысловых животных оказался экономически нерентабельным в силу особенностей жизненного цикла бобровой семьи. В настоящее время эта технология трансформирована в объект туристического показа.

158 дующие задачи: 1) осуществление охраны природных территорий в целях сохранения биологического разнообразия и поддержания в естественном состоянии охраняемых природных комплексов и объектов; 2) организация и проведение научных исследований; 3) осуществление государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды); 4) экологическое просвещение и развитие познавательного туризма; 5) содействие в подготовке научных кадров и специалистов в области охраны окружающей среды. На государственные национальные парки возложены следующие задачи: 1) сохранение природных комплексов, уникальных и эталонных природных участков и объектов; 2) сохранение историко-культурных объектов; 3) экологическое просвещение населения; 4) создание условий для регулируемого туризма и отдыха; 5) осуществление научной (научно-исследовательской) деятельности в области охраны окружающей среды в целях разработки мероприятий по сохранению и развитию природного потенциала и рекреационного потенциала Российской Федерации; 6) осуществление государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды); 7) восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов.

Имеет значение не только содержание этих задач, но и их иерархия. Таким образом, перед национальными парками ставятся задачи по проведению преимущественно научных исследований, которые имеют прикладной характер, нацеленный на развитие природного и рекреационного потенциала. Данный перечень целей определяет интернальные функции этих организаций, позволяя отделить от них экстернальные эффекты. Необходимо добавить, что логика анализа экстернальных (и интернальных) эффектов является строго организационной: разумеется, все экстернальные эффекты становятся результатом целенаправленной деятельности индивидов, связанных с научными стационарами.

В порядке исторического комментария к современным интернальным целям полевых стационаров можно заметить, что советские теоретики и практики экспедиционных и полевых исследований понимали эти цели весьма широко. Помимо задачи создания и укоренения исследовательской инфраструктуры на территории проводимых полевых работ, практически ориентированных на включение неосвоенных областей в экономическую жизнь страны, они закладывали для экспедиций и более широкий спектр интернальных целей в части культурной и экономической деятельности. В работе академика Александра Ферсмана [1929: 23] «Экспедиционная деятельность Академии наук и ее задачи» специальный раздел отведен культурному и хозяйственному наследию, без

формирования которого, по мнению геолога, не может завершиться ни одна хорошо спланированная экспедиция, так как «глубоко задуманная научная экспедиция неизбежно вызывает к жизни новые идеи, ставит новые вопросы, требует новых исследований и новых ответов. Ее культурное внедрение в толщу местной жизни является одной из важнейших ее задач. Формальное окончание деятельности академической экспедиции должно неизбежно совпадать с организацией на местах новых центров культурной и хозяйственной работы; таково идейное построение наших экспедиций».

Значение фиксируемых в законодательном порядке государством интернальных целей указанных выше категорий ООПТ важно по той причине, что элементы научной инфраструктуры являются не чистой эманацией научной и охранной деятельности, иницируемой в подавляющем большинстве случаев учеными или экспертами¹. Их многослойная седиментация отражает не только динамику научного знания и научных проектов, но также весьма сложную государственную прагматику в отношении охраны природы и природопользования в России². В целом охрана природного наследия, институционализированная в форме системы особо охраняемых природных территорий, имеет в России сложную и насыщенную судьбу, в которой своеобразным образом преломилась история страны на протяжении последних 100 лет [Вайнер 1991; Штильмарк 2014; Реймерс, Штильмарк 1978; Brain 2011; Weiner 1999]³. Специфическая особенность российской системы охраны природного наследия состоит в том, что здесь в позднесоветский период получил широкое

- 1 Пожалуй, единственное исключение в нашей стране представляет национальный парк «Красноярские столбы», организованный (первоначально в форме заповедника) в 1925 г. именно по инициативе жителей Красноярска.
- 2 Хотя первым заповедником в Российской империи традиционно считается частный природный резерват Аскания-Нова (Херсонская область, Украина), именно государство играло решающую роль в быстром росте числа заповедников на территории России после 1917 г. (первый советский заповедник — Астраханский — был формально учрежден уже в 1919 г.). Причина этого достаточно очевидна: ликвидация частной собственности на землю превращало государство в единственного субъекта, который был способен ограничить хищническую эксплуатацию природных ресурсов (наибольший всплеск таких практик пришелся как раз на период после революции 1917 г. и на 1990-е годы), используя для этого организационную форму особо охраняемых природных территорий.
- 3 Вайнер Д. (1991) *Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы*, М.: Прогресс; Штильмарк Ф. Р. (2014) *Избранные труды. Заповедное дело России: теория, практика, история*, М.: КМК; Weiner D. A. (1999) *Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*, Berkeley: University of California Press.

развитие подход, основанный на идее «абсолютной заповедности», т. е. полного невмешательства человека в процессы, происходящие на заповеданной территории, функции которой сведены к научному наблюдению (ведение «летописи природы») [Борейко, Бриних, Парникоза 2018; Штильмарк 2014]¹. От такого подхода, реализуемого в заповедниках, в значительной мере отличается модель национального парка. Последняя зародилась в США (первый национальный парк в Йеллоустоне был основан в 1872 г.) и предполагает, что охраняемая территория, напротив, широко открыта для посетителей. Национальные парки стали появляться в СССР значительно позже, чем заповедники: первый возник в Эстонии в 1971 г., в 1983 г. открыты Сочинский национальный парк и Лосиный Остров. Таким образом, здесь до известной степени конкурируют две позиции: одна из них руководствуется идеей полного невмешательства человека в процессы на охраняемых территориях (заповедник), вторая создает охраняемую территорию для того, чтобы широко открывать ее для туристического, рекреационного и спортивного использования (национальный парк). Можно заметить, что к настоящему времени в России в сфере охраны природы начинает оказывать преобладающее влияние именно модель национального парка, которая открывает более широкие возможности для экономической капитализации этих территорий. Это выражается в следующих мерах:

— перевод заповедников в статус национальных парков (Красноярские столбы (2019 г.), Гыданский национальный парк (2019 г.), планируемое изменение статуса Тебердинского заповедника);

— образование национальных парков на базе заповедников с созданием объединенной дирекции и одновременным расширением охраняемой территории (национальный парк «Земля леопарда» (2012 г.) на базе заповедника «Кедровая падь» (1916 г.), национальный парк «Зов тигра» (2007 г.) на базе Лазовского заповедника (1955 г.);

— переподчинение заповедников, входящих в систему РАН, Министерству природы и включение их в состав национальных парков (в 2019 г. Дальневосточный морской и Уссурийский природный заповедники, входившие в систему ДВО РАН, были переданы в ведение национального парка «Земля леопарда»).

Таким образом, в области охраны природного наследия в России в настоящее время происходит сдвиг в сторону туристической, познавательно-просветительской и спортивно-рекреационной ка-

1 Наиболее последовательные сторонники этой идеи, такие как Феликс Штильмарк [2014: 41], выступали за максимальное сокращение также и научной активности на территориях абсолютной заповедности: «... нашу заповедную природу надо охранять не только от браконьеров, которых порой гонит голод, но и от иных доцентов с кандидатами...».

питализации соответствующих территорий за счет расширения доли площадей, имеющих статус национального парка. Научные сотрудники, нередко являющиеся большими или меньшими сторонниками идеи абсолютной заповедности, во многих случаях негативно оценивают эту тенденцию, которая может выражаться также в понижении административного статуса научного отдела заповедников¹. Но как бы не оценивать данную трансформацию, необходимо учитывать ее контекстуальное влияние, заключающееся в том, что туризм играет все большую роль в жизни российских ООПТ и других элементов научной инфраструктуры в настоящее время². Трансформация туристических потоков в период пандемии 2020–2021-х годов, значительно активизировавшая внутренний туризм (это констатируют наши собеседники в самых разных регионах страны), лишь усилила эту тенденцию.

Негативные экстернальные эффекты

Меры по охране природы и защите окружающей среды в настоящее время представляют собой очевидную ценность, к которой, на первый взгляд, едва ли кто-то может относиться отрицательно. Однако на деле появление на какой-то местности ООПТ или музея-заповедника практически всегда создает для жителей, так или иначе связанных с ней, различные негативные экстернальные эффекты. Все они вытекают из законодательных ограничений, а специфика этих эффектов определяется особенностями традиционного природопользования, досуговыми практиками и особенностями местной транспортной логистики. Перечислим основные из них (мы отвлекаемся в данном случае от моментов, связанных с зонированием ООПТ, где могут выделяться, например, зоны традиционного природопользования для коренного малочисленного населения и т. п.).

161

- 1 В российской традиции директор заповедника обычно имел двух заместителей по охране и по науке. Сегодня мы можем видеть, как в некоторых заповедниках позиция заместители по науке упраздняется, и научный отдел, таким образом, уравнивается с отделом экологического просвещения, отвечающего также за развитие туризма.
- 2 Наличие этой трансформации можно констатировать также по изменению архитектуры, планировки и территориального расположения зданий заповедников. Речь идет о строительстве новых визит-центров, а также релокации новых усадеб заповедников ближе к туристическому потоку. Например, старая усадьба заповедника «Земля леопарда» располагалась в лесу вдали от населенных пунктов, новые же постройки отчасти вынесены прямо на автомобильную трассу, проходящую через село Барабаш, по которой движется значительный поток транзитных туристов.

1. Ограничение доступа на территории заповедников (сухопутные, водные и подводные). Доступ разрешен только в сопровождении сотрудника, гида или по заказанному заранее пропуску, передвижение лишь по предусмотренным маршрутам (экотропам), стоянки лишь в отведенных местах, а также множество других правил, связанных с поведением на территории.

2. Ограничение пользования проезжими дорогами, что иногда существенно усложняет и удорожает транспортную логистику для местного населения (например, после создания музея-заповедника «Дивногорье» была перекрыта кратчайшая дорога из хутора Дивногорье до села Селявное, которое является центром этого сельского поселения, в нем находится ближайшая школа и другие социальные учреждения).

3. Запрет сбора дикоросов, рыбалки и охоты, выпаса скота и любой иной промыслово-хозяйственной деятельности. Фактически привычные формы природопользования тем самым криминализуются и создают основания для конфликтов с местным населением.

В зарубежной литературе негативные эффекты ООПТ связываются также с опытом переселения (displacement), прежде всего, коренных жителей с мест их жительства в случае создания подобных организаций [West, Igoe, Brockington 2006: 257-260]. Однако в России нам, по крайней мере в связи с обследованными стационарами, подобные практики не известны. Напротив, в случае с археологическим музеем-заповедником «Костёнки» мы получили совершенно иную картину. Особенность этого музея-заповедника заключается в том, что костёнковские стоянки эпохи верхнего палеолита (включая уникальные жилища из костей мамонтов) расположены прямо на территориях сел Костёнки и Борщево. Знаменитая стоянка Костёнки-11, над которой сейчас возведено здание музея, была обнаружена местным жителем Иваном Протопоповым во время рытья погребка. Для полноценного проведения раскопок участок пришлось выкупать, что стало возможно лишь при хороших отношениях с его хозяином. Доступ же археологов к другим участкам был нередко осложнен или просто не предоставлялся. Иными словами, даже в советский период права собственности и другие факторы (ресурсные ограничения музея-заповедника) не позволяли открыть доступ к частным территориям.

Наиболее остро эти ограничения воспринимаются в случае, если ООПТ только что или недавно возникли, в таком случае возмущенные голоса местных жителей звучат весьма энергично¹.

1 Типичная реплика местного жителя в связи с недавним изменением режима использования территории Ялтинского горно-лесного заповедника:

В случае давно созданных ООПТ (например, Сихотэ-Алинского заповедника) местное население воспринимает данные ограничения как данность, оно давно научилось жить с ними. Мы не будем здесь углубляться в вопрос теневых практик и тех способов, посредством которых жители не только соблюдают, но и в некоторых случаях обходят эти ограничения. Беседы с инспекторами различных ООПТ и местными жителями в разных регионах страны позволяют нам сделать следующий общий вывод. Со временем на территориях ООПТ возникает своего рода разумный баланс практик теневого природопользования и действующих правил, который не вредит природоохранным функциям тех же заповедников. Такой баланс некоторым сотрудникам заповедников удавалось находить даже в тяжелый для природоохранной деятельности период 1990-х — начала 2000-х годов, хотя история заповедников знает случаи трагического исхода подобных конфликтов¹. Инспекторы (их основной состав сегодня состоит из местных жителей) предотвращают хищнические вторжения на территорию, которые, как правило, осуществляют не местные жители, а «залетные» гости.

Эти довольно очевидные и хорошо известные негативные экстерналинные эффекты нам хотелось бы дополнить не вполне очевидным и даже парадоксальным, на первый взгляд, эффектом режима заповедности. Он возникает в некоторых случаях и связан с тем обстоятельством, что режим заповедности способствует не сохранению, а, напротив, гибели тех видов, для защиты которых заповедник был организован.

4. Этот механизм можно назвать «эффектом Уробороса» заповедной территории (мы используем мифическую метафору существа в виде змеи или дракона, кусающего себя за хвост). Один из сравнительно недавних примеров его проявления, широко освещавшийся

163

«Я живу в Оползневом, привыкла ходить в лес по грибы, уж сколько лет так делаю. Никогда никто меня не штрафовал, всегда спокойно гуляла. Я собираю только грибы! Ну и мусор, конечно... если видела следы “шашлычников”, убирала в пакет и выбрасывала потом в контейнер в селе. А теперь по всему заповеднику натянули табличек “Проход запрещен”, говорят, что даже какие-то фотоловушки поставили, мол, фотографируют нарушителей. Но подождите. Какой я нарушитель! Я — крымчанка! 20 лет хожу в лес! Почему я теперь должна в интернете заказывать какой-то там пропуск, если я хочу просто пройтись по лесу! Разве он стал чьей-то собственностью? А запрет на сбор грибов — это вообще беспредел!» [Буйлова 2021].

- 1 В особенности здесь выделяется история Дальневосточного морского заповедника, где инспекторам приходилось иметь дело с масштабно промысляющими браконьерами-краболовами (см. раздел по истории на сайте заповедника).

в СМИ, — гибель насаждений Хостинской тисо-самшитовой рощи в результате нашествия личинок самшитовой огневки, завезенной в Сочи в 2014 г. Причина медленного реагирования на быстро распространившегося вредителя — это особые правила, действующие в роще. Она находится на территории Кавказского заповедника и Сочинского национального парка, на них законодательно запрещено использовать химические вещества, которые могли бы помочь в борьбе с вредителем. Несмотря на запросы ООПТ, законодательство менять не стали, и к 2019 г. роща фактически полностью погибла.

Подобные кейсы можно перечислять довольно долго. Например, зимой могут сложиться такие климатические условия, что олени не смогут добыть себе подножный корм из-под снежного покрова. Сотрудники заповедника не имеют права вмешиваться в этот процесс, подкармливая их, в силу того же законодательного принципа невмешательства, действующего на заповедных территориях. Дальневосточных оленей в Лазовском заповеднике выручают здесь охотхозозяйства, расположенные по его периметру: олени выходят на территории, где их подкармливают и спасают от голодной смерти. А вот стаду мустангов, живущему на острове озера Маныч-Гудило в Ростовском заповеднике, в 2010 г. так не повезло: значительная часть стада погибла зимой из-за недостатка корма. Объяснение этому довольно простое: стадо в заповедных условиях размножилось и превысило размер островной кормовой базы. Однако с этим фактом, известным ученым заповедника, ничего нельзя было поделать. Заповедник не имеет права регулировать численность животных.

Подобные ситуации могут показаться абсурдными: заповедники уничтожают то, что призваны охранять. Однако в действительности за этим стоит логика, заложенная в заповедники вместе с уже упомянутой идеей абсолютной заповедности. Ученые лишь наблюдают за тем, что происходит, они не вмешиваются в этот процесс, природа здесь должна быть полностью предоставлена самой себе. В современном экологически сенситивном общественном сознании этот эффект Уробороса, присущий заповедникам и вполнеотрефлексируемый в своей основе¹, представляется негативным², что позволяет нам включить его в перечень других негативных экстерналинных эффектов.

1 См. классический текст на эту тему Григория Кожевникова [1909] — одного из основоположников российского движения по охране природы.

2 Например, упомянутый случай с самшитовой рощей подавался в СМИ как результат «бездействия чиновников» [Егорова, Кустикова 2017].

Позитивные экстернальные эффекты

В соответствии с принятой концептуальной рамкой в этом разделе мы не рассматриваем интернальные эффекты функционирования полевой научной инфраструктуры, которые заслуживают отдельного внимания. Тем не менее среди них есть более или менее эксплицитно заявленные, поэтому мы все же кратко перечислим основные.

1. Все научные полевые стационары, в какой бы форме они не выступали, выполняют культурно-просветительскую функцию, так или иначе проводят просветительские мероприятия с местным населением. Деятельность просветительских отделов ООПТ в этой части значительно активизируется.

2. Научные стационары являются крупным работодателем на территориях своего расположения, в случае ООПТ и музеев-заповедников они часто становятся своего рода градообразующими предприятиями для этих небольших населенных пунктов. Среди местных жителей встречаются даже многопоколенческие династии, работающие на биостанциях или ООПТ. Изменение структуры занятости среди местных жителей определяется в зарубежной литературе в качестве одного из основных факторов влияния национальных парков на локальные сообщества [Solecki 1994]. В основном местные жители выполняют на полевых стационарах роль технического персонала, обеспечивающего функционирование станций. В структуре ООПТ распространена также должность государственных инспекторов (обычно это наиболее крупное подразделение такого рода организаций). В случае с сезонным функционированием стационаров (например, биостанций) именно работники из числа местных жителей обеспечивают их рабочее состояние в межсезонный период.

3. Местные жители, работающие в полевых стационарах, задействованы в программах повышения квалификации, что в целом повышает уровень образованности на соответствующих территориях.

4. ООПТ в отличие от сезонных стационаров предполагают постоянное проживание сотрудников. Эти сотрудники, прежде всего, научные, оказываются, как правило, приезжими. В советский период эти организации обеспечивали новых сотрудников жильем, что было важным фактором, с одной стороны, мобильности внутри этой системы (обычной практикой было также приглашение на должность руководителя отдела охраны не из числа местных жителей), с другой — обеспечивало приток на эти территории новых людей. В постсоветский период это жилье массовым образом приватизировалось и выбыло из фонда, которым располагали эти организации для привлечения новых молодых сотрудников. Вместе с низким

уровнем оплаты труда это один из факторов серьезных кадровых проблем для данных организаций. Лишь крупнейшие заповедники и национальные парки в настоящее время имеют возможность или планы восстанавливать небольшой жилищный фонд.

5. Развитие туризма на территории научных стационаров создает для местных жителей ряд новых возможностей для самостоятельной экономической и хозяйственной деятельности, не включенной напрямую в работу самих этих организаций. Это может быть открытие кафе для туристов, сдача жилья внаем и организация туристических баз, торговля сувенирами, продуктами и заготовками, оказание транспортных, экскурсионных и иных услуг. Именно транспортная логистика часто становится нишевым сезонным бизнесом для местных жителей в районе ООПТ, поскольку у самих этих организаций отсутствуют соответствующие технические и кадровые ресурсы. Пример такого рода малого бизнеса — доставка туристов на территории Дальневосточного морского заповедника: сотрудники заповедника проводят экскурсии, тогда как доставка туристических групп на его отдельные участки отдана на аутсорсинг местным предпринимателям. Умение жить с заповедником, осваивание возможностей, которые он формирует с точки зрения новых форм предпринимательства, — важный фактор, компенсирующий для местных жителей негативные экстернальные эффекты, связанные с ограничениями, налагаемыми природоохранными мерами.

Перечисленные эффекты позитивного влияния на территорию имеют интернальный характер или непосредственно связаны с деятельностью полевых стационаров и их прямыми задачами (в частности, по развитию туризма для ООПТ). Экстернальные эффекты, на наш взгляд, наиболее интересные в силу своего разнообразия и меньшей предсказуемости. Рассмотрим наиболее своеобразные примеры такого рода.

1. Рост уровня и качества образования местного населения в целом. Наталья Марченко — старший научных сотрудник Хопёрского заповедника, а также человек, уделяющий много внимания краеведческой работе по истории села Варварино и Новохопёрского района Воронежской области, — отмечает, что к 1960-м большинство варваринцев были грамотными, хотя в поселке не проводилась «ликвидация безграмотности», как в соседней Богдани. Половина поселения имела библиотеки и пользовалась научной библиотекой заповедника [Марченко 2002: 21]. Она делает вывод о значительном положительном влиянии природного резервата не только на уровень образованности, но и на другие социальные практики поселения, где расположена усадьба Хопёрского заповедника. Заповедник, таким образом, оказывает «стабилизирующее влияние на демографические показатели поселка, возрастание уровня образования,

занятости населения, увеличение среди работающих доли квалифицированных работников, расширение профессионального спектра, возрастание роли женщин в сообществе. Кроме того, отмечено увеличение продолжительности жизни по сравнению как с соседним селом, так и с показателями по России в целом, более низкий уровень заболеваемости» [Марченко 2002: 2].

2. Образовательные организации, возникающие в населенных пунктах в силу наличия здесь ООПТ, являются значимым агентом не только в сфере образования, но и в распространении новых практик. Наш пример здесь связан со сферой дополнительного образования для детей в поселке Терней, в котором располагается усадьба Сихотэ-Алинского заповедника. Посетив эколого-просветительский клуб «Урагус», возглавляемый Галиной Максимовой (впервые оказалась в Тернее на географической практике в начале 1980-х, впоследствии вышла замуж за научного сотрудника заповедника), мы обратили внимание на крайне высокий уровень организации и разнообразия занятий, а также на значительный охват его образовательными программами детской и молодежной аудиторий поселка. В настоящее время клуб стал заметным агентом не только проведения различных мероприятий, но и пространственных изменений в поселке, он даже получил грант одного из всероссийских фондов. По его инициативе, к которой подключились представители местного бизнеса и администрации, в поселке построена большая современная детская площадка. Тем самым был создан прецедент новой коллаборативной формы преобразований поселковых пространств. Именно детский клуб оказался значимым проводником новых для жителей поселка практик. В 2004 г. силами его участников у здания детского сада начал создаваться дендрарий, в котором образцы местной флоры высажены в разнообразных клумбах, сделанных из камней. Это привело к ландшафтному повороту в сознании жителей поселка — многие из них переняли эту практику для своих приусадебных участков¹.

1 Приведем развернутый комментарий по этому поводу из интервью с Галиной Максимовой: «Каменная культура пришла в поселок. Не знаю, благодаря дендропарку ли, сама по себе ли... Когда мы начали его делать, очень многие люди ходили и плевались. Было очень неприятно, дети ведь делают. Ладно я, с меня как с гуся. Ребенок что-то делает, копается, а мимо проходит человек и говорит: «Зачем ты это делаешь?». Потому что это неспецифично для этой территории. Огороды — да. Лучше ты посади там яблоню, чем заниматься этой ерундой. Но на том месте был пустырь, детский сад его не использовал никак, там один репей рос. Никто сад не собирался делать. Мы были только в самом начале, а нам: фу, какая гадость. Сейчас это делают все у себя во дворе. 50% населения тащит к себе камни, им уже не нужны никакие огороды».

3. Появление новых туристических индустрий. Студенческие практики, экспедиции или работа в научном стационаре открывают возможность для формирования особого чувства эмоциональной привязанности к этому месту. При этом посторонний взгляд приезжего человека, а также его компетенции позволяют распознать здесь новый потенциал для ведения бизнеса, который в настоящее время часто оказывается связан с туризмом. Нас интересуют случаи, когда такой бизнес приобретает характер самостоятельного предприятия, уже не связанного напрямую с деятельностью этих стационаров, т. е. представляет собой экстернальный эффект по отношению к деятельности научного стационара. Выразительный случай — туристический центр «Полярный круг», основанный у деревни Нильмогуба в 2002 г. по инициативе выпускников МГУ, учеба и ранняя научная карьера которых была связана с расположенной неподалеку морской биологической станцией университета. Молодая семья Михаила и Анастасии Сафоновых начала собственное дело, открыв с помощью товарищей по увлечению дайв-центр, специализировавшийся на зимних погружениях.

168

Через несколько лет стало понятно, что этого недостаточно для обеспечения устойчивой деятельности предприятия, и центр начал развивать направление детского образовательно-просветительского отдыха. По нашим впечатлениям, сегодня это один из лучших частных центров такого рода, где открытая атмосфера и ясные педагогические принципы сочетаются с высоким уровнем и разнообразием предлагаемых программ, а также строжайшим соблюдением требований безопасности¹. В рамках соблюдения требований последнего рода центр открыл даже собственный медицинский пункт, что является уникальным случаем для деревни с численностью населения в 21 человек (данные на 2020 г.). Еще одним направлением деятельности центра является экскурсионная деятельность (включая организацию экскурсий на ББС МГУ имени Н. А. Перцова). В допандемийном 2019 г., когда мы последний раз были в Нильмогубе, уровень посещаемости «Полярного круга» составлял 1500 человек в год (для сравнения национальный парк «Паанаярви», расположенный в том же Лоухском районе Карелии, в год принимал в это время около 7000 туристов), в центре на постоянной основе работают около

1 Государственный контроль над сферой детского туризма как в Карелии, так и в стране в целом чрезвычайно вырос после трагедии на Сямозере в июне 2016 года, когда погибло четырнадцать детей. Это привело к значительному сокращению и строгому отбору действующих в этой сфере организаций.

30 жителей Лоухского района¹. В случае появления такого рода крупных предприятий возможно даже преодоление фактически почти нерушимой границы между приезжими специалистами и местными жителями, которые выступают в качестве технического персонала по обеспечению их деятельности. Так, на станции «Полярный круг» со временем появился новый сертифицированный инструктор по дайвингу из числа жителей деревни².

Пример «Полярного круга» оказывается не единственным, в котором наличие научного стационара сыграло ключевую роль в появлении новой туристической индустрии на территории. Елизавета Рец приехала на практику в Сихотэ-Алинский заповедник в 2007 г., где позже устроилась на работу и защитила диссертацию по биологии. Однако неудовлетворенность низким уровнем оплаты труда стимулировала молодого ученого к поиску новых возможностей. Благодаря этому в Приморском крае появился новый туроператор «Сихотэ-Алинь», специализирующийся на экзотических турах и глэмпинге, одна из его баз находится в поселке Терней. Разработанные туроператором маршруты и программы задействуют также природный и ландшафтный потенциалы ООПТ, равно как и их объективную потребность в наличии внешних туроператоров по привлечению и сопровождению туристов. У большинства заповедников нет достаточных сил и ресурсов обеспечивать сколько-нибудь широкое экскурсионное сопровождение туристов (по нашим подсчетам лишь пять ООПТ в России в настоящее время входят также в реестр туроператоров и могут самостоятельно развивать это направление деятельности).

4. Пролиферация научной инфраструктуры стационаров и дачная ревитализация поселений. Еще один пример позитивной экстернальности, который также связан с Беломорской биологической станцией МГУ, — случай ревитализации деревни Черная Река. Еще до прямого знакомства с ее жителями мы слышали упоминания о странной деревне ученых, которая воспротивилась прокладке к ней проезжей дороги (путь в 5 км до ближайшей железнодорожной станции сейчас приходится преодолевать пешком, а наиболее быстрый способ сообщения с ближайшими населенными пунктами морем). В деревне в настоящее время сезонным образом живет

1 Живой рассказ об истории и современном состоянии центра «Полярный круг» см. в [Горяшко 2021].

2 Вовлечение местных жителей в подобную высококвалифицированную трудовую деятельность по обслуживанию туристов обычно происходит лишь в крупных курортных центрах. Например, в Домбае профессия инструктора по горным лыжам часто становятся промысловой специализацией для местных молодых людей.

небольшое комьюнити ученых биологов. Его создал в 1973 г. Игорь Бурковский, который, отделившись от основной морской биостанции МГУ, выкупил половину дома и учредил здесь собственный «Беломорский стационар». Его основателем и руководителем он значится на своей персональной странице в МГУ.

До настоящего времени в стационаре, состоящем уже из нескольких лабораторий, сезонно проживают и работают несколько ученых, приезжают коллеги, аспиранты и проходят практику студенты. К гидрологическому стационару со временем добавился еще один — орнитологический: в 2000 г. здесь организована станция кольцевания птиц, внесенная в международный реестр. Такого рода совмещение личного и профессионального пространства не изобретение Буковского. Он лишь продолжил традицию, которую на Белом море заложил Вадим Федоров, построивший себе в 1963 г. дом на мысе Кузокоцкий, назвав его «Лапутией» и превратив в базу экспедиции кафедры гидробиологии МГУ¹.

Этот процесс умножения научных стационаров, особенно в советский период, представляет самостоятельный интерес, нас же интересуют его экстернальные последствия. Фактически он привел к дачной (сезонной) ревитализации деревни. В Черной Реке, по данным уже на 2010 г., построены 15 новых домов, 7 старых карельских изб отремонтированы. В деревню стали возвращаться коренные жители, которые, казалось, покинули ее навсегда. Аналогичную ревитализацию пережила и деревня Нильмогуба, в которой располагается туристический центр «Полярный круг». «Вот видите, — Анастасия Сафонова показывает нам ряд заметных домов на склоне, — эту улицу мы называем Московская. Это все новые постройки, люди приезжают к нам отдохнуть, а потом решают здесь обосноваться». С 2003 г., продолжает она во время нашего интервью 2019 г., «площадь строений в деревне увеличилась в четыре раза, половину этого роста создали мы напрямую, а вторая половина сложилась за счет того, что деревня стала привлекательной, она стала пополняться людьми. Причем это и старые жители, которые стали строить новые дома, и вновь приезжающие люди». Однако в отличие от туристического центра научная деревня Черная Река ценит свою изолированность от мира и стремится ее сохранять.

Описанный здесь на примерах Черной Реки и Нильмогубы эффект экстернального позитивного влияния научных биологиче-

1 Сведенный из фрагментов рассказ самого Федорова об основании и жизни в Лапутии см. в материалах проекта А. Горяшко: Федоров Вадим. В Лапутии бывает все. [<https://www.littorina.info/kindo/laputia/statia.html>].

ских стационаров на ревитализацию поселений создает основание для сравнения с кейсами, которые связаны с социальными научными дисциплинами. Здесь мы имеем в виду не только российское «дачеведение» и широкомасштабные процессы «дачной колонизации» в России [Нефедова, Аверкиева, Махрова 2016: 283 и далее], изучаемые экономистами, географами и демографами, но также своеобразный «Угорский проект» российского социолога Никиты Покровского, в рамках которого покупка деревенского дома в Костромской области, мотивированная первоначально внеучными целями, трансформировалась в научный проект, интегрирующий профессиональную деятельность ученого и его коллег¹.

Другим дисциплинарным проектом, но уже в области культурной антропологии, который может быть включен в область подобных сопоставлений (и противопоставлений), оказывается практика создания региональных исследовательских станций, реализованная Клиффордом Гирцем в Индонезии в 1970–1980-х годах [Гирц 2020: 59]. Однако здесь мы можем ограничиться лишь указанием на перспективность подобного компаративного анализа, по своему содержанию он выходит за рамки тематики настоящего исследования.

171

5. Культурный кластер. Пример существенно иного типа экстернального воздействия мы опишем на материале, собранном в музее-заповеднике «Дивногорье» (Воронежская область). Особенность этого места заключается в его насыщенности археологическими памятниками и регулярно приводящимися здесь археологическими экспедициями, уникальной меловой церкви Сицилийской иконы Божьей Матери, а также охраняемыми участками степной зоны, что делает его привлекательным для ботанических экспедиций. Музей-заповедник начал функционировать в 1991 г., однако этому предшествовал подготовительный процесс, когда здесь существовал филиал Воронежского областного краеведческого музея. Музей-заповедник можно считать проектом воронежской интеллигенции, решающую роль в реализации которого сыграла его основательница и первый директор Марина Лылова. Близость от Воронежа (120 км), а также от трассы М4, по которой движется поток отдыхающих, направляющихся в сторону или со стороны Кавказа и побережья Черного моря, создает здесь весьма плотный поток транзитных туристов, посещающих «Дивногорье». Все это создало определенные предпосылки для возникновения здесь

1 См. [Покровский 2016; 2019], а также целый ряд других публикаций автора, так или иначе связанных с «Угорским проектом».

феномена, который можно назвать дивногорским креативным кластером.

Со временем здесь возникла соседствующая, хотя и тесно связанная с музеем-заповедником, активность современных художников, развивается самостоятельная туристическая экономика. Одним из центров этой активности стал воронежский художник Сергей Горшков, некоторое время работавший в музее-заповеднике. Именно по его инициативе, а также инициативе сотрудников (бывших и настоящих) музея-заповедника здесь проходят различные мероприятия и фестивали современного искусства, на которые съезжаются художники и другие творческие люди со всей страны, а иногда и из-за рубежа¹. На хуторе Дивногорье есть несколько магазинов и галерей («Галерея в Дивном переулке», «Богата хата» и др.), которые предлагают посетителям оригинальные произведения художников Воронежской, Липецкой и других областей. Постепенно разворачивается «дачная колонизация», которая имеет свой собственный креативно-художественный профиль. Здесь, как и в других описанных выше случаях, где поселения тем или иным образом подвергаются ревитализации, возникают эффекты сельской джентрификации, выраженные в росте стоимости недвижимости².

6. Артикуляция локальной культурной и исторической идентичности. Описанные типы позитивной экстернальности научных стационаров связаны некоторыми общими сквозными особенностями. Возникающие здесь новые формы активности (туристической, научной, художественной) приводят к возрождению жизни поселений, идут процессы джентрификации, транслируются и прививаются новые практики. Один из таких процессов сквозным образом интегрирует фактически все известные нам научные стационары³. Появившись на территории в силу определенной научной или

1 Успенская С. Для фестиваля «Чернозем» художники создали в Дивногорье арт-проекты из мела, металла и бетона. РИА. Воронеж 24.08.2014 (<https://ria.ru/news/dlya-festivalya-chernozem-khudozhniki-sozdali-v-divnogore-art-proekty-iz-mela-metalla-i-betona/>)

2 Стоимость недвижимости в хуторе Дивногорье на 2019 г. была в среднем вдвое выше, чем в соседних поселениях. При этом расположенное рядом сельское поселение Селявное, к которому административно относится и хутор Дивногорье, более населено и имеет лучше развитую социальную инфраструктуру.

3 Нам известны, правда, и редкие случаи полной изоляции от местного контекста, однако они весьма специфичны также и по своей дисциплинарной формы (например, усадьба геолога-коллекционера, полностью изолировавшегося от жителей деревни, но активно включенного в коммуникацию со средой таких же коллекционеров и геологов).

охранной (природной или культурной) логики, часто совершенно чуждой и непонятной местным жителям, эти стационары погружены, прежде всего, в нее, они ее и реализуют.

Однако сам фактор пребывания на территории становится значимым стимулом для ученых заниматься не только своими научными областями и задачами, но и обратиться к локальному культурному и историческому контексту, проявляя интерес и любопытство к новому контексту своего существования. Эта работа также позволяет решить проблемы интеграции в новые сообщества. Работы о культуре и истории местного края, выполненные учеными-биологами, часто выполнены на самом высоком профессиональном уровне, что в известной степени возрождает образец работы ученых-путешественников XVIII-XIX вв., занимавшихся в равной мере топографией, сбором естественно-научных коллекций и этнографическим описанием [Пржевальский 1888]. Иными словами, работая на стационарах в конкретном дисциплинарном секторе по своей специализации, современные ученые во многих случаях стремятся дополнить свое неизбежно фрагментированное дисциплинарное знание до более целостного представления о конкретных особенностях территории за счет исторических и культурных исследований.

173

Биологические станции, как и заповедники, уже начиная с 1920-х годов выступают как центры производства краеведческого знания, прежде всего, в форме описания природных особенностей данной местности. Именно артефакты их экспедиционных и других исследований нередко становились основой местных краеведческих музеев. Современные ученые, занятые на биостанциях, публикуют квалифицированные исследования по истории местной культуры [Цетлин 2000], а также вместе с другими специалистами разрабатывают комплексные планы развития территорий, включая развитие туризма [Цетлин, Спиридонов 2003]. Сотрудники музея-заповедника «Дивногорье» долгое время собирают воспоминания местных жителей о событиях Великой Отечественной войны, а также иными способами документируют и меморизируют историю хутора Дивногорье и его обитателей. (Во время наших экспедиций мы по мере сил помогаем в таких случаях организациям, предоставляя, в частности, биографические интервью с жителями, делимся предоставленными из личных архивов фотографиями и т. д.)

Один из лучших примеров того, как вообще можно работать с формированием и актуализацией локальной исторической идентичности поселения, дают нам ученые-биологи из маленькой карельской деревни. В 2013 г. к 450-летию юбилею деревни Никита Кучерук, Ольга Максимова, Андрей Азовский, получившие гран-

товую поддержку для этой работы, выпустили книгу с описанием истории жителей каждого дома в Черной Реке [Кучерук, Азовский, Максимова 2013]. Помимо работы с историческими документами ученые собрали архив устной истории деревни, обработали фотографии из личных архивов ее жителей. Ведущим принципом организации нарратива в книге, по замыслу Н. В. Кучерука, было отсутствие сегрегации жителей на «местных» и «приезжих/москвичей». Тем самым ученые сделали еще один шаг в направлении остро осознаваемой ими задачи преодоления различия «местных» и «приезжих», распространенного среди коренных жителей деревни.

Иными словами, решали задачу по трансформации этих отношений в более инклюзивные со стороны местного сообщества¹. Книга была передана жителям всех домов деревни, а ее презентация стала своеобразным «мегасобытием» в новейшей истории Черной Реки, на которое из разных уголков страны съехались даже те, кто давно покинул деревню. После публикации книги жители, а также люди, имеющие отношение к деревне, продолжают присылать ученым новые сведения из семейных архивов. Коренные жители Черной Реки в разговорах с нами об истории деревни или своей семьи упоминают о данной книге или показывают ее. Этот проект, форма его реализации и продолжения является, на наш взгляд, образцовым и заслуживающим распространения. Аналогичные формы работы с локальной памятью используют и другие ученые.

Например, Наталья Марченко, старший научный сотрудник Хопёрского заповедника, рассказывала нам о своих многочисленных и разнообразных краеведческих проектах, показывала собранные ею старые фотографии жителей деревни, которые нередко оказывались на помойке. Таким образом, производство локальной памяти в описанных нами случаях является не некоторой естественной и спонтанной функцией местных сообществ, а работой, которую осуществляют приезжие ученые.

1 Мы отмечаем этот момент, который заслуживает специального и более подробного рассмотрения даже на собранном нами материале, поскольку в современном тренде постколониального дискурса в этнографии и культурной антропологии вопрос о неинклюзивном характере самих местных сообществ практически не рассматривается. В анализируемых нами случаях (д. Нильмогуба, д. Черная Река, Дивногорье) «приезжие» не стремятся территориально или символически отделиться от «местных», как это, например, происходит при активной и даже агрессивной политике развития туризма в других регионах [Lorenzen 2021], но по возможности сознательно стремятся включаться в жизнь местных сообществ.

Заключение

Научные полевые стационары не только выполняют свои интернальные функции, но и порождают многочисленные экстернальные эффекты как отрицательного, так и положительного характера. В заключение к изложенной аналитической типологии этих эффектов, которые мы, конечно, не могли и не стремились исчерпать¹, мы добавим несколько общих выводов и гипотез, объясняющих появление этих эффектов.

Множество процессов, которые связаны с современной жизнью научных стационаров, находятся в русле процесса туристификации, захватывающего территории их расположения. Туристификация является не только экстернальным эффектом научных стационаров, но и, как указано выше, современной контекстуальной трансформаций интернальных задач ООПТ. Положительные стороны этого процесса понятны и принимаются в расчет, в том числе с точки зрения экономической отдачи для самих организаций, а также развития местной экономики. Однако этот процесс переориентации с модели заповедника на модель национального парка вызывает тревогу у многих научных сотрудников заповедников, с которыми мы беседовали, поскольку они ощущают его как заметное ослабление научной функции ООПТ. Однако многочисленные экстернальные эффекты этих организаций связаны именно с категорией научных сотрудников и научной деятельностью этих организаций. Поэтому возможные эффекты, связанные с сокращением прямых научных функций этих организаций, будут ограничивать также их позитивное экстернальное воздействие, что необходимо учитывать в рамках планирования и проведения данных изменений.

В самом общем виде в качестве причины позитивной экстернальности научных стационаров можно определить высокий уровень образовательной составляющей культурного капитала [Бурдые 2002], работающих и приезжающих на них сотрудников. Однако для экстернальных эффектов важны не формальные критерии образованности, а более широкие компетенции, связанные в том числе со способностью научных сотрудников к новым видам деятельности.

1 В частности, эта типология могла бы быть расширена за счет рассмотрения инфраструктурных изменений, которые несет для местных жителей появление научных стационаров, например, обновление или постройка дорог, отдельного рассмотрения заслуживало бы участие ученых или новых туристических центров в жизни местного самоуправления и др.

В самом общем виде можно сказать, что ученые, а также те, кто оставил научную деятельность, занявшись, например, туризмом, выступают по отношению к местному населению как носители новых и более сложных (городских) практик. Их распространение происходит с помощью того механизма, который Габриэль Тард [1996] считал отличительной особенностью именно социальной формы жизни путем подражания. Приезжающие в небольшие поселения новые люди привозят с собой новые практики, местные жители их начинают перенимать. Поначалу, как мы видели в случае с «ландшафтным поворотом» в дальневосточном Тернее, они могут даже вызывать отчуждение. Но чаще все проходит более гладко. Игорь Бурковский, поселившись в Черной Реке, разумеется, занялся садом и огородом, но начал выращивать новые и непривычные для местных жителей культуры. В итоге огородническая и садовая цивилизация деревни фундаментальным образом трансформировалась: «Разнообразные сорта клубники, смородины, малины, жимолости, крыжовника и более двадцати овощных культур, которые выращивают сегодня жители Чёрной Реки, — заслуга московского гидробиолога: это он принес их в жизнь деревни, где раньше выращивали только картошку и репу» [Горяшко 2019]. Сказанное можно распространить с уровня индивидуальных практик на организационные.

В туристических компаниях, возникших по инициативе кандидатов наук в Нильмогубе (центр «Полярный круг») и Тернее (туроператор «Сихотэ-Алинь») и расположенных в диаметрально противоположных точках России, общим является то, что они организуют сложные и новые формы туризма. В первом случае речь идет о зимнем дайвинге и детских образовательных программах очень высокого уровня, во втором — о сложно организованных турах и глэмпинге. Это сильно отличается от тех способов, какими на этих территориях местные жители привыкли коммодифицировать туристический поток (сдача жилья, транспортная заброска туристов, аренда лодки для рыбалки). И эти сложные организационные практики также начинают тиражироваться на данной территории¹. Историк науки Раф де Бонт [De Bont 2015: 10] в отношении первых морских биологических станций середины XIX в. замечает, что, несмотря на свое стремление вести исследования вдали от города, они не только являлись продуктами городской культуры, но также были тесно связаны с ней. Это справедливо и в отношении современных

1 В том же Лоухском районе, где расположен дайв-центр «Полярный круг», со временем открылся и другой дайв-центр в поселке Чкаловский. Правда, не по инициативе местных дайверов, а командой из Санкт-Петербурга.

научных стационаров: расположенные вдали от больших городов, они сами становятся центрами и проводниками завезенных оттуда индивидуальных и организационных практик.

Описанные нами примеры и механизмы формирования локальной исторической и культурной идентичности позволяют иным образом взглянуть на взаимоотношение локального и глобального знания, носителем которого являются ученые. Парадоксально, но именно они же во многих случаях одновременно оказываются локальными агентами, которые формируют корпус знаний о местной природе, истории и культуры далеко за пределами своей научной специализации, придают непрявленным формам памяти артикулированную форму.

Изучение взаимоотношений научных стационаров и территорий открывает, на наш взгляд, направление исследований, позволяющее увидеть новые и часто весьма неожиданные конфигурации и эффекты.

Библиография / References

Анучин Д. Н. (1902) О задачах и методах антропологии. Речь перед членами VIII съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова (Москва). *Русский антропологический журнал*, 1: 62-88.

— Anuchin D. N. (1902) On the Tasks and Methods of Anthropology. Speech to members of the VIII Congress of the Society of Russian Physicians in memory of N. I. Pirogov (Moscow). *Russian anthropological journal*, 1: 62-88. — in Russ.

Борейко В. Е., Бриних В. А., Парникоза И. Ю. (2018) *Заповедность (пассивная охрана природы). Теория и практика*, Киевский эколого-культурный центр, Киев: Логос.

— Boreiko V. E., Brinikh V. A., Parnikoza I. Y. (2018) *Conservation (Passive Nature Protection). Theory and Practice*, Kiev Ecological and Cultural Center, Kiev: Logos. — in Russ.

Буйлова В. (2020) Я бы в заповедник пошел... если пустят. *Крымская правда*. 25 октября. (<https://c-pravda.ru/news/2020-11-25/ya-by-v-zapovednik-poshjol----esli-pustyat>)

— Builova V. (2020) I would go to the reserve ... if allowed. *Crimean truth*. October 25. (<https://c-pravda.ru/news/2020-11-25/ya-by-v-zapovednik-poshjol----esli-pustyat>) — in Russ.

Бурдье П. (2002) Формы капитала. *Экономическая социология*, 3 (5): 60-75. (https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf)

— Bourdieu P. (2002) The Forms of Capital. *Economic Sociology*, 3 (5): 60-75. (https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf). — in Russ.

Быховский Б. Е. (ред.) (1974) *Организация советской науки в 1926-1932 гг.: сборник документов*, Ленинград: Наука.

— Bykhovsky B. E. (ed.) (1974) *Organization of Soviet Science in 1926–1932: Collection of Documents*, Leningrad: Science. — in Russ.

Вайнер Д. (1991) *Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы*, М.: Прогресс.

— Weiner D. (1991) *Models Of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*, Moscow: Progress Publishers. — in Russ.

Гирц К. (2020) *Постфактум: две страны, четыре десятилетия, один антрополог*, М.: НЛО.

— Geertz C. *After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist*, Moscow: NLO Books. — in Russ.

Горяшко А. *Литторины на литорали: История биологических стационаров Белого и Баренцева морей* (<https://www.littorina.info/>)

— Goryashko A. *Littorals on the littoral: A history of biological stations of the White and Barents sea* (<https://www.littorina.info/>) — in Russ.

Горяшко А. (2021) «Полярный круг» — окно в мир Белого моря. *GoArctic*, 19 августа. (<https://goarctic.ru/regions/polyarnyy-krug-okno-v-mir-belogo-morya/>)

— Goryashko A. (2021) “Polar Circle” — a Window into the World of the White Sea. August 19. (<https://goarctic.ru/regions/polyarnyy-krug-okno-v-mir-belogo-morya/>) (date of access: 10/29/2021) — in Russ.

Горяшко А. (2019) Северные села и биостанции: переплетение судеб. *GoArctic*, 7 октября. (<https://goarctic.ru/live/severnye-syela-i-biostantsii-perepletenie-sudeb/?fbclid=IwAR2wj1yCWMvn5dytRR3emuLZxC-h-scRz0plNj4-7M13gRDnog6jfm-29z1I>)

— Goryashko A. (2019) Northern villages and biological stations: the intertwining of destinies. *GoArctic*, 7 October. (<https://goarctic.ru/live/severnye-syela-i-biostantsii-perepletenie-sudeb/?fbclid=IwAR2wj1yCWMvn5dytRR3emuLZxC-h-scRz0plNj4-7M13gRDnog6jfm29z1.20I>) (date of access 10/29/2021) — in Russ.

Докучаев В. В. (1895) *К вопросу об организации опытных полевых станций в России*, СПб.: Типография братьев Пантелеевых.

— Dokuchaev V. V. (1895) *On The Question of Organizing Experimental Field Stations in Russia*, St. Petersburg: Printing house of the Panteleev brothers. — in Russ.

Егорова А., Кустикова А. (2017) 600 лет ради одной Олимпиады: История уничтожения самшита колхидского, занесенного в Красную книгу. *Новая газета*, 17 октября, 128. (<https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/14/74551-600-let-radi-odnoy-olimpiady>)

— Egorova A. Kustikova A. (2017) 600 Years for the Sake of One Olympics: The History of the Destruction of the Colchis Boxwood, Listed in The Red List. *Novaya Gazeta*, October 17, 128. (<https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/14/74551-600-let-radi-odnoy-olimpiady>). — in Russ.

Каликинская Е. (2008) *Страна ББС*, М.: Авторская академия, КМК.

— Kalinskaya E. (2008) *Country BBS*, Moscow: Author's Academy, Scientific Press LTD KMK. — in Russ.

Кожевников Г. А. (1909) О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. Всероссийский Юбилейный Акклиматизационный съезд 1908 г. в Москве, М.: Типография О. Л. Сомовой: 18-30.

— Kozhevnikov G. A. (1909) *On The Need For The Organization Of Protected Areas For The Protection Of Russian Nature. All-Russian Jubilee Acclimatization Congress of 1908 in Moscow*, Moscow: Printing house of O. L. Somova: 18-30. — in Russ.

Кучерук Н. В., Максимова О. В., Азовский А. И. (2013) *Белое море: Черная Река*, Москва — Черная Река.

— Kucheruk N. V., Maximova O. V., Azovsky A. I. (2013) *The White Sea: Epy Black River*,

Moscow — The Black River. — in Russ.

Лапочкина В. В., Косарева Н. В., Адашова Т. А. (2016) Экологический туризм в России: тенденции развития. *МНИЖ*, 5-1 (47).

— Lapochkina V. V., Kosareva N. V., Adashova T. A. (2016) *Ecological Tourism in Russia: development trends. MNIZh*, 5-1 (47). — in Russ.

Марченко Н. Ф. (2002) *Сельская община и природный резерват: история взаимоотношений, современные тенденции и перспективы на будущее*, Варварино: ХГПЗ.

— Marchenko N. F. (2002) *Rural Community and Nature Reserve: History of Relationships, Current Trends and Prospects for the Future*, Varvarino: KhGPZ. — in Russ.

Нефедова Т. Г., Аверкиева К. В., Махрова А. Г. (ред.) (2016) *Между домом и ... домом: Возвратная пространственная мобильность населения России*, М.: Новый хронограф.

— Nefedova T. G., Averkieva K. V., Makhrova A. G. (ed.) (2016) *Between Home and ... Home: Return Spatial Mobility of the Population of Russia*, Moscow: New chronograph. — in Russ.

Обручев В. В. (1937) *Словарь специальных терминов. Экспедиции Всесоюзной академии наук 1935 г.* под общ. ред. акад. И. М. Губкина, Москва; Ленинград: Наука: 481-535.

— Obruchev V. V. (1937) *Dictionary of Technical Terms. Expeditions of the All-Union Academy of Sciences in 1935*, Moscow; Leningrad: Science: 481-535. — in Russ.

Покровский Н. Е. (2016) Экологические ценности и отношение к культурному наследию как факторы возникновения сплоченности в среде интеллигенции. Кейс «Угорского проекта» (включенное наблюдение). *Практики сплоченности в современной России: Социокультурный анализ*, М.: Университетская книга: 241-263.

— Pokrovsky N. E. (2016) *Environmental Values and Attitudes Towards Cultural Heritage as Factors in the Emergence of Cohesion Among the Intelligentsia. Case of the "Ugric project" (participant observation). Cohesion practices in modern Russia: Sociocultural analysis*, Moscow: University Book: 241-263. — in Russ.

Покровский Н. Е. (2019) Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве ближнего севера: дом и domestикация. *Социологические исследования*, 12: 70-80.

— Pokrovsky N. Y. (2019) Phenomenology of the “Lifeworld” of a City Dweller in the out-of-town Space of the Near North: Home and Domestication. *Sociological Research*, 12: 70-80. — in Russ.

Пржевальский Н. М. (1888) Как путешествовать по Центральной Азии. Первая глава четвертого путешествия по Центральной Азии Н. М. Пржевальского. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, 32: 142-233.

— Przhevalsky N. M. (1888) How to travel in Central Asia. The first chapter of N. M. Przhevalsky's fourth journey through Central Asia. *Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia*, 32: 142-233. — in Russ.

Реймерс Н., Штильмарк Ф. (1978) *Особо охраняемые природные территории*, М.: Мысль.

— Reimers N., Stilmark F. *Specially protected natural territories*, M.: Thought. — in Russ.

Тард Г. (1996) *Социальная логика*, СПб.: Социально-психологический центр.

— Tard G. (1996) *Social logic*, SPb.: Socio-psychological center. — in Russ.

Ферсман А. Е. (1929) *Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи*, Ленинград: АН СССР.

— Fersman A. E. (1929) *Expeditionary activity of the USSR Academy of sciences and its tasks*. Series: Materials of the expeditionary research Commission, Leningrad : AN SSSR. — in Russ.

Фокин С. И., Смирнов А. В., Лайус Ю. А. (2006) *Морские биологические станции на Русском Севере (1881-1938)*, М.: Товарищество научных изданий КМК.

— Fokin S. I., Smirnov A. V., Lajus Yu. A. (2006) *Marine Biological Stations in the Russian North (1881-1938)*, Moscow: Scientific Press LTD KMK. — in Russ.

Фукуяма Ф. (2003) *Великий разрыв*, М.: АСТ.

— Fukuyama F. (2003) *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*, Moscow: AST. — in Russ.

Хлебович В. В. (2007) *Картеш и около*, М.: WWF России.

— Khlebovich V. V. (2007) *Kartesh and about*, Moscow: WWF Russia. — in Russ.

Цетлин А. Б. (2000) Будущее традиционного природопользования на Белом море: браконьерство или управление ресурсами? *Охрана дикой природы*, 4 (19): 33-38.

— Tzetlin A. B. (2000) The future of traditional nature management in the White Sea: poaching or resource management? *Wildlife Conservation*, 4 (19): 33-38. — in Russ.

Цетлин А. Б., Спиридонов В. А. (2003) *Возможности и проблемы устойчивого развития прибрежной зоны на примере Чупинского муниципального образования (Карелия)*, Москва.

— Tzetlin A. B., Spiridonov V. A. (2003) *Opportunities and problems of sustainable development of the coastal zone on the example of the Chupinsky municipality (Karelia)*, Moscow. — in Russ.

Штильмарк Ф. Р. (2014) *Избранные труды. Заповедное дело России: теория, практика, история*, М.: КМК.

- Shtilmark F. R. (2014) Selected Works. *Nature Reserve in Russia: theory, practice, history*, Moscow: Scientific Press LTD KMK. — in Russ.
- Brain S. (2011) *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- De Bont R. (2015) *Stations in the Field: A History of Place-Based Animal Research, 1870–1930*, Chicago, London: University of Chicago Press.
- Fortin M.-J., Gagnon C. (1999) An assessment of social impacts of national parks on communities in Quebec, Canada. *Environmental Conservation*, 26 (3): 200–211. (<http://www.uqac.ca/portfolio/christianegagnon/files/2013/02/article05.pdf>)
- Jover J., Díaz-Parra I. (2020) Gentrification, transnational gentrification and touristification in Seville, Spain. *Urban Studies*, 57 (15): 3044–3059.
- Koens K., Postma A., Papp B. (2018) Is Overtourism Overused? Understanding the Impact of Tourism in a City Context. *Sustainability*, 10 (4384): 1–15.
- Kucheruk N. V., Maksimova O. V., Azovskiy A. I. (2013) *White Sea: Black River*, Moscow: Black River.
- Kuklick H., Kohler R. E. (1996) Introduction. Osiris, *Science in the Field*, 2 (11): 1–14.
- Kurennoy V. (2021) Contemporary State Cultural Policy in Russia: Organization, Political Discourse and Ceremonial Behavior. *International Journal of Cultural Policy*, 27 (2): 163–176.
- Lee J. H. et al. (2018) Examining the Conflicting Relationship between US National Parks and Host Communities: Understanding a Community's Diverging Perspectives. *Sustainability*, 10 (10): 3667.
- Lorenzen M. (2021) Rural Gentrification, Touristification, and Displacement: Analysing Evidence from Mexico. *Journal of Rural Studies*, (86): 62–75.
- Mayer M., Müller M., Woltering M. et al. (2010) The Economic Impact of Tourism in six German National Parks. *Landscape and urban planning*, 97 (2): 73–82.
- Ojedaab A. B., Kiefferc M. (2020) Touristification. Empty Concept or Element of Analysis in Tourism Geography? *Geoforum*, 115: 143–145.
- Pickel-Chevalier S. (2012) Les processus de mise en tourisme d'une ville historique: l'exemple de Rouen. *Mondes du Tour*: 46–60. (<https://doi.org/10.4000/tourisme.558>)
- Pigou A. C. (2002) *Welfare and Economic Welfare*, Routledge.
- Sequera J., Nofre J. (2018) Shaken, not Stirred: New Debates on Touristification and the Limits of Gentrification. *City*, 22 (5–6): 843–855.
- Solecki W. D. (1994) Putting the Biosphere Reserve Concept into Practice: Some Evidence of Impacts in Rural Communities in the United States. *Environmental Conservation*, 21 (3): 242–247.
- Varian H. R. (2014) *Intermediate Microeconomics: A Modern Approach*, New York; London: W. W. Norton & Company: 663–686.
- Weiner D. (1999) *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*, Berkeley: University of California Press.
- West P., Igwe J., Brockington D. (2006) Parks and Peoples: The Social Impact of Protected Areas. *Annual Review of Anthropology*, 35: 251–277.

Wyman R. L., Wallensky E., Baine M. (2009) The Activities and Importance of International Field Stations. *BioScience*, 59 (7): 584-592.

Рекомендация для цитирования:

Сувалко А. С., Фигура М. Д. (2021) Уроборос и другие экстерналинные эффекты полевой научной инфраструктуры. *Социология власти*, 33 (3): 149-182.

For citations:

Suvalko A. S., Figura M. D. (2021) The Ouroboros and Other External Effects of the Field Scientific Infrastructure. *Sociology of Power*, 33 (3): 149-182.

Поступила в редакцию: 11.09.2021; принята в печать: 29.09.2021

Received: 11.09.2021; Accepted for publication: 29.09.2021